

Разумеется, в книге есть и недостатки. Одни из них неизбежно обусловлены слабой разработанностью ряда важных вопросов истории первобытного общества, но некоторых можно было избежать. Остановимся на двух из них, представляющих нам наиболее существенными.

С 1946 г., когда С. П. Толстов предложил существенно уточнить моргановскую периодизацию первобытной истории, и до настоящего времени в советской и зарубежной марксистской науке создано не менее полдюжины вариантов новой периодизации, различающихся между собой критерием членения исторического процесса первобытности, числом выделенных периодов и их наименованием¹. Так как ни один из них пока не получил сколько-нибудь широкого признания, у Ю. В. Кышненко были все основания предложить еще один вариант. Он предлагает следующую схему: 1 — первобытное стадо, 2 — материнский род и 3 — патриархат с подразделением последнего периода на подпериоды: а — отцовского рода и б — соседской общины. При этом делаются две оговорки: во-первых, термин «патриархат» следует понимать расширительно и, во-вторых, «своеобразие» третьего периода состоит в том, что отцовский род не является универсально-исторической общественной формой. Не все первобытные народы, перешагнувшие порог классового общества, пережили этот этап. В тех случаях, когда соседская община непосредственно вырастает из материнского рода, понятия «матриархат» и «соседская община совпадают» (стр. 56). Хотя ни здесь, ни далее автор не поясняет, в чем именно заключается «расширительное понимание» патриархата, из контекста можно заключить, что имеется в виду не отцовско-родовой строй и не его поздние формы периода распада, а скорее всего любая такая организация, которая характеризуется безраздельной властью отца семейства, патриарха. Однако даже эта форма патриархата не была универсальной: работами А. М. Золотарева и С. П. Толстова показано, что наряду с ней существовал и позднематеринский, матриархальный путь разложения родового строя. А если это так, то и само предложенное Ю. В. Кышненко наименование заключительного периода первобытной истории приходится признавать неудачным. Заметим, кстати, что схема, в принципе близкая к рассмотренной (эпохи первобытного стада и родового строя с подразделением последней на периоды матриархата и патриархата), была в свое время предложена и вскоре оставлена М. О. Косвеном².

Вызывает сожаление и то обстоятельство, что автор в ряде случаев излишне категоричен в своем толковании того или иного явления первобытности или его реликта. Так, левират однозначно рассматривается как пережиток группового брака (стр. 173), хотя уже не раз отмечалось, что этот обычай может быть полностью объяснен порядками, характерными для патриархальной семьи. В том же плане и так же однозначно трактуются обычай избегания по отношению к определенным категориям свойственников (стр. 174), хотя они могут быть объяснены изменением формы не брака, а локализации брачного поселения, т. е. переходом от матрилокальности к патрилокальности. Трудно согласиться с характеристикой патронимии как «группы близкородственных малых семей» (стр. 246): хорошо известно, что в состав патронимий, как правило, входили не только малые, но и большие семьи.

Очевидно, что отмеченные и им подобные недочеты и промахи не могут существенно повлиять на высокую оценку рецензируемой работы. Ю. В. Кышненко написал содержательную и ценную книгу, которую с интересом встретят не только студенты исторических факультетов, но и значительно более широкий круг читателей, в том числе специалисты-историки.

А. И. Першиц

¹ Подробнее об этом см.: Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, Сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 32 сл.

² М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 152.

А. Т. Базинов, М. И. Исаев. Язык и нация, М., 1973, 248 стр.

Среди пограничных научных проблем, разрабатываемых в последнее время советскими учеными, важное теоретическое и практическое значение, несомненно, имеют проблемы, расположенные на стыке языкознания с этнографией и социологией. Именно к этой области относится книга А. Т. Базинова и М. И. Исаева «Язык и нация».

Рецензируемая работа состоит из шести глав. В первой из них, «Общество и язык», рассматривается вопрос о происхождении языка как общественного явления, о появлении в ходе истории множества языков мира; главное внимание при этом уделяется характеристике языков, на которых говорят народы СССР. Во второй главе, «Национальное развитие народов и язык», характеризуется важная роль языкового признака для научного определения нации и отмечается видное место языка в национальной политике некоторых стран мира; особое внимание при этом опять-таки уделено различным языковым проблемам, возникшим в связи с национально-государ-

ственным строительством в СССР. В третьей главе, «Культурная революция и языковое строительство в СССР», дается описание основных сторон и этапов языковой политики в СССР, в частности истории создания письменности для ранее не имевших ее народов, постепенного перевода арабской и других графических систем письменности, бытовавших у ряда народов СССР, на русскую графическую систему. В главе четвертой, «Сближение социалистических наций и взаимодействие языков народов СССР», рассматриваются две основные тенденции в развитии социалистических наций и народностей: тенденция к относительно самостоятельному национальному развитию и тенденция к межнациональному сближению; при этом подчеркивается все большее развитие при социализме второй тенденции, приводящей к усилению взаимодействия и взаимообогащения национальных языков, к становлению общего интернационального лексического фонда. В главе пятой, «Расцвет социалистических наций и национальных языков», обращено внимание главным образом на значительное расширение сфер функционального использования национальных языков в СССР, многие из которых стали употребляться не только в сфере образования, но и в административной, хозяйственной, научной и других областях жизни. В последней главе, «Многоязычие государственного и второго языка», авторы, кратко рассмотрев проблему второго языка в буржуазном обществе, характеризуют процесс функционального развития русского языка, в ходе которого он стал основным языком общения многоязычного советского народа. В заключительном разделе этой главы затронут вопрос о путях сложения единого языка будущего человеческого общества.

В целом данную книгу можно характеризовать как многоплановую, содержательную работу, которая может быть полезна самым различным специалистам гуманитарного профиля. По существу все рассмотренные в ней вопросы представляют интерес для этнографов, а некоторые из них, связанные, например, с оценкой роли языка в национальном (этническом) развитии, со взаимодействием языков в ходе сближения советских народов и др., непосредственно входят в сферу теории этноса и этнических процессов, разработке которых в последнее время уделяется столь пристальное внимание в этнографии.

К сожалению, рецензируемая книга не вполне свободна и от недостатков. Основным из них является то, что поставленная в заглавии и подчеркнутая в предисловии к книге проблема взаимоотношения языка и нации рассмотрена довольно скупо, да и недостаточно глубоко. В непосредственно относящихся к этой проблеме разделах второй главы авторы правильно критикуют все работы, которые умаляют важность языкового признака в определении нации, однако, возводя его в ранг «основного, решающего признака нации» (стр. 81), сами совершают серьезную ошибку. Слабость их теоретических построений обусловлена тем, что определение нации берется изолированно, между тем как его следует рассматривать в связи с определением других типов этнических общностей; в этом случае язык, естественно, должен выступать не в общей форме, а в виде специфического именно для нации признака. Видимо, чувствуя это, авторы выражают свою солидарность с теми учеными, которые считают наличие литературного языка обязательным признаком нации (стр. 88—89), однако эта солидарность плохо согласуется со сделанными ранее выводами и с неоднократным выражением безоговорочного признания неизбежности известного определения нации (стр. 76, 89 и др.), в котором такого признака нет.

На стр. 73—75 книги помещена таблица «Распределение населения СССР по национальности и родному языку (по итогам переписи 1970 г.)». Эта таблица сама по себе повышает информативность книги, но содержание ее в тексте не раскрыто. Очень важный и непосредственно относящийся к теме работы вопрос о соотношении национальности (точнее — национального самосознания) и родного языка оставлен без внимания; тот общезвестный факт, что около 15 млн жителей СССР в 1970 г. показали своим родным языком язык другой национальности, авторы сочли возможным игнорировать; в книге рассматривается лишь такое взаимодействие национальных языков, которое приводит к их «взаимообогащению». В посвященной этому взаимодействию четвертой главе авторы уделяют внимание этническим процессам, однако классификация их (на стр. 149—150) сделана неточно: в отступление от уже сложившейся в этнографической литературе практики авторы не выделяют ни процессы этнической ассимиляции, ни процессы межнациональной интеграции, зато в качестве особого вида этнических процессов приведено «смешение национальностей» (в частности — «рост числа смешанных браков»), являющееся в действительности лишь фактором развития этих процессов. Относящиеся к этой тематике примеры не всегда подобраны удачно; это касается в частности процесса слияния с таджиками припамирских народностей, которые имеются у народностей, находящимися в процессе консолидации с таджикоязычным населением (стр. 84), то уже полностью таджиками по национальной принадлежности (там же).

В последнем разделе, «О языке будущего», авторы рассматривают возможные варианты языкового развития в мировом масштабе и отдают предпочтение возобладаванию какого-нибудь искусственного языка типа эсперанто. Этот тезис следовало бы глубоко аргументировать, проанализировав, в частности, перспективы развития основных современных языков международного общения, например, широко распространенного ныне английского языка.

Ф. П. Филин в предисловии к рецензируемой книге отмечает ее доступную форму изложения. Содержание книги в целом также позволяет отнести ее скорее к научно-популярным, нежели к научным работам. Вероятно, данную книгу было бы целесообразно издать именно под такой рубрикой и с заглавием, более отвечающим ее содержанию. Так как переиздание этой книги весьма желательно, выражаю в заключение надежду на то, что будет учтено и это мое замечание.

В. И. Козлов

НАРОДЫ СССР

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КОМИ АССР

Л. Н. Жеребцов. Расселение коми в XV—XIX вв. Сыктывкар, 1972, 63 стр.; его же. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII—начале XX в. М., 1972, 126 стр.; его же. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.). Сб. «Этнография и фольклор коми» (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 13). Сыктывкар, 1972, 105—113 стр.; его же. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональной культурной среде. Сб. «Этнография и фольклор коми», 70—76 стр.; его же. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, 96 стр.

В последние годы в этнографических исследованиях, ведущихся в Коми АССР, прослеживается интерес к изучению этнокультурных процессов. Среди этнографических работ, вышедших из печати в 1972 г., обращают на себя внимание труды Л. Н. Жеребцова — итог многолетнего изучения культуры народа коми.

Научные интересы Л. Н. Жеребцова в изучении этнокультурных процессов довольно широки: вопросы этнической истории коми, процессы сложения и развития их культуры, этнические связи коми с соседними народами, особенности культуры отдельных этнических групп коми на территории Коми АССР и за ее пределами (например, в Сибири); древние этапы сложения и совершенствования народной культуры и ее современное состояние. Исследователем введены в научный оборот новые интересные архивные материалы, данные многолетних полевых наблюдений и т. д.

Работа «Расселение коми в XV—XIX вв.» является первой попыткой достаточно полного и аргументированного изложения вопроса об освоении народом коми современной территории его обитания. Материалы, полученные в различных архивах СССР, существенно дополняют и конкретизируют известные в литературе сведения по этому вопросу.

Читатель узнает, как и когда проходило заселение территории современного обитания коми: бассейнов рек Вычегды и Выми, Сысолы, Лузы и Летки Удорского и Печорского краев. В работе названы самые ранние (по известным письменным источникам) поселения, фамилии их первых обитателей, показаны изменения в составе населенных пунктов и их жителей в последующие века, основные направления дальнейших миграций. Автор знакомит читателя с существующими в исторической науке мнениями о происхождении и формировании народа коми, в ряде случаев дополняя их. Так, весьма интересным представляется высказанное им суждение о возможных путях появления на р. Лузе предков коми и сложения особой территориальной группы, известной в исторических источниках под названием Лузской Пермцы. Автор пытается объяснить отдельные топонимы, фамилии, а также этноним «зыряне». Несмотря на некоторую перегруженность текста списками фамилий, названиями поселений и т. п., работа в целом представляет несомненный интерес не только для специалистов, исследующих проблемы истории народа коми, но и для массового читателя, к которому она обращена.

Изучению одной из этнографических групп коми — удорцев, проживающих в Удорском районе Коми АССР (бассейн рек Вашки и Мезени), посвящена монография Л. Н. Жеребцова «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII—начале XX в.». Здесь освещаются некоторые вопросы этнической истории удорцев, а также дается этнографическое описание специфики их культуры.

Первая глава книги содержит подробный анализ всей имеющейся по удорским коми дореволюционной и советской литературы.

Вторая глава знакомит читателя с историей заселения Удорского края. Основываясь на данных антропологии, этнографии, археологии и лингвистики, автор стремится выяснить проблему происхождения местного населения.

В I тысячелетии до н. э. в районе современной Удоры обитало древнее население, этническая принадлежность которого еще точно не установлена. В конце того же тысячелетия оно испытало значительное и, видимо, всестороннее воздействие племен западнофинского (возможно вепсского) происхождения. Позднее пришедшие